

О.Л. Довгий (Москва, Россия)

К забытому юбилею: четыре текста об Антиохе Кантемире

Аннотация: В статье анализируется «кантемировская топка» в русской поэзии, критике, литературоведении XVIII–XXI вв. Особое внимание уделено четырем написанным в разные века текстам о Кантемире, являющимся особенно репрезентативными, – Феофана Прокоповича, К.Н. Батюшкова, Л.В. Пумпянского и анонимного автора фанфика.

Ключевые слова: А.Д. Кантемир, русская поэзия, юбилеи 2019 года, «кантемировская топка», Феофан Прокопович, К.Н. Батюшков, Л.В. Пумпянский, фанфики

O.L. Dovgy (Moscow, Russia)

Up to the Unremembered Anniversary: Four Texts on Antioch Cantemir

Abstract: The article deals with the analysis of “Cantemirian topic” in Russian poetry, criticism and literary studies of the 18th–21st centuries. Special focus is laid on four texts written in various centuries, that especially representative – those are the texts of Feofan Prokopovich, Konstantin Batushkov, Lev Pumpyansky and an anonymous author of the fanfic.

Key words: Antioch Cantemir, Russian poetry, Jubeees of 2019, “Cantemirian topic”, Feofan Prokopovich, Konstantin Batyushkov, Lev Pumpyansky, fanfic

Среди множества громких литературных юбилеев 2019 г. забытыми оказались памятные даты Антиоха Кантемира. Сегодня он считается «неактуальным» автором. В ответ на вопрос, кто такой Кантемир, все чаще приходится слышать, что он, «наверное, как-то связан со станцией метро и Кантемировской дивизией».

Тем не менее 2019-й год по праву можно считать годом Кантемира: у него целых три юбилея: 310 лет со дня рождения (если считать, что он родился в 1709 г.), 275 лет со дня смерти и 290 лет со дня выхода первой сатиры, начальные строчки которой помнит всякий, кто учился на филфаке:

Уме недозрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки...
[Кантемир 1956: 57]

Хотя этими строчками, как правило, память о Кантемире и ограничивается. Даже у гуманитариев.

Позволим себе короткую юбилейную заметку – хотя понимаем, что она вряд ли выйдет веселой.

Сатира, юбилей которой приходится на нынешний год, оказалась пророческой. Вспомним, как она заканчивается:

Бесстрашно того житье, хоть и тяжело мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится,
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую
[Кантемир 1956: 62].

Эти строчки и будут путеводной нитью нашей статьи. В них предсказаны основные пути развития «кантемировской темы» – и в самой литературе, и в науке о ней:

Хвала / хула – со стороны общества.

Автор в ответ – «В тихом своем углу молчалив таится».

Спустя век появится чеканная пушкинская переформулировка: «хвалу и клевету приемли равнодушно».

Пребывание в «тихом углу» – от излишка скромности? Или от излишка гордости? Или не различить, где одно переходит в другое? Мало кто задумывается над этими вопросами.

«Молчалив *таится*» – и «*тайно*» себя веселит сознанием пользы наук. Это ли не «ты царь, живи один»?

Реальная жизнь Кантемира проходила совсем не в тихом углу: он активный участник политической жизни на самом высоком уровне (сыграл важную роль в воцарении Анны Иоанновны), дипломат при двух европейских дворах, английском и французском. «России не так-то легко будет заменить посла столь больших достоинств, каким был князь Кантемир», – написал после его смерти Монтескье [Карамзин 1964: 162]. Сатиры были тщательно переписаны и подготовлены для передачи императрице Елизавете Петровне – это ли не знак, что совсем не для «тихого угла» автор их готовил?

Но вмешалась Судьба, словно услышавшая финальные строчки первой сатиры. Как в лучших традициях трагедии, произошел поворот от счастья к несчастью, причем и для автора, и для сочинений: автор умер Париже в 35 лет (кстати, Пушкин считал, что Кантемир умер в 28 лет [Пушкин 1962: 436]), а сатиры оставались ненапечатанными до 1762 г.

«Каждая эпоха читает писателя... по-своему, своекорыстно. И есть случаи, когда писатель выпадает из кругозора целой эпохи...» – заметил Б.М. Эйхенбаум [Эйхенбаум 2001: 88]. «Своекорыстное чтение» – вот достойный синоним нынешней «актуальности». «Своекорыстно» Кантемира читали и читают. «Наука оборвана, в лоскутах обшита»; «Ученых хоть голова полна – пусты руки», «Перебив чужой язык, свой хлеб потеряли...» – можно продолжать и продолжать. Сатиры разошлись на пословицы не хуже комедии Грибоедова. А имя автора выпало из кругозора эпохи. Такой вот грустный парадокс.

Как читали Кантемира, можно понять по тому, что о нем писали. А написали в течение четырех веков много. И ругали, и хвалили. За что ругали? За отсутствие поэтического дара и подражательность творчества. Эту линию задал еще А.П. Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве» («Стремился на Парнас, но не было успе-

ха / Хоть упражнялся в том, доколе был он жив, / Однако был Пегас всегда под ним ленив...» [Сумароков 1957: 116]); и в примечаниях к ней: «...будучи чужестранным, не знал истинной красоты нашего языка. Разум его и в стихотворстве гораздо виден, ежели сочиненные им сатиры стихотворством назвать можно; однако нет в стихах его ни порядочного в речах сопряжения, ни свободных и надлежащих рифм, ни меры стоп, ни пресечения, ни наблюдения грамматических правил, и нет ничего в них, чего красота языка и стихотворство требует, и хотя разумные его мысли и видны, но повсюду нечистым, неправильным, холодным и принужденным складом гораздо затмеваются [Сумароков 1957: 127]. Последующие хулители шли по накатанной колее.

Белинский поначалу тоже развивал топос «Кантемир не поэт»: «Этот человек не был поэтом; непосредственный художественный талант не был его уделом. Его поэзия – поэзия ума, здравого смысла и благородного сердца. Кантемир в своих стихах – не поэт, а публицист, пишущий о нравах энергетически и остроумно. Насмешка и ирония – вот в чем заключается талант Кантемира... Мне кажется, что его прославленные сатиры были скорее плодом ума и холодной наблюдательности, чем живого и горячего чувства. И диво ли, что он начал с сатир – плода осеннего, а не с од – плода весеннего? Он был иностранец, следовательно, не мог сочувствовать народу и разделять его надежд и опасений; ему было сполна-горя смеяться. Что он был не поэт, этому доказательством служит то, что он забыт...» [Белинский 1953: 1–65].

Но потом резко изменил мнение – и начал хвалить с тем же жаром, с каким раньше ругал: «Этот человек, по какому-то счастливому инстинкту, первый на Руси свел поэзию с жизнью, – тогда как сам Ломоносов только развел их надолго»; «Кантемир был первым сподвижником Петра на таком поприще, которого Петр не дождался увидеть, но которое, как и все в России, приготовлено им же. О, как бы горячо обнял великий преобразователь России двадцатилетнего стихотворца, если бы дожил до первой его сатиры...»; «развернуть изредка старика Кантемира и прочесть которую-нибудь из его сатир есть истинное наслаждение»; «для меня гораздо легче и приятнее читать сатиры Кантемира, нежели громозвучные оды Ломоносова, поэмы Хераскова и даже многие оды Державина...; от всех этих од и поэм можно заснуть, а от сатир Кантемира проснуться...» [Белинский 1955: 8–627].

Существует и поэтическая кантемириана. Среди ее создателей многие известные поэты – от Сумарокова и Г.Р. Державина до А. Тарковского и И. Бродского.

Старинный слог его достоинств не умалит.
Порок, не подходи! – Сей взор тебя ужалит»

[Державин 1866: 332]

Мы не останавливаемся подробно ни на отзывах хвалителей и хулителей, ни на стихах, посвященных Кантемиру, – об этом мы уже писали¹ [Кулагина 2018: 7–13].

Сегодня из обилия текстов о Кантемире мы выбираем четыре – по тексту на век. Нам представляется, что эти четыре текста лучше всего отражают суть Кантемировой трагической судьбы – и очень хорошо развивают тему финальных строк первой сатиры.

¹ Список наших работ о Кантемире представлен в автореферате докторской диссертации.

ВЕК ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

«ТЫ И БЕЗ СЧАСТЬЯ ДОВОЛЬНО СЧАСТЛИВЫЙ...»

Итак, 290 лет назад Кантемир написал первую сатиру. Отклик на нее появился мгновенно – и сразу в поэзии. Вот как рассказал об этом сам Кантемир в примечании: «Писал он ее для одного только провождения своего времени, не намерен будучи обнародить; но по случаю один из его приятелей, выпросив ее прочесть, сообщил Феофану, архиепископу Новгородскому, который ее везде с похвалами стихотворцу рассеял и, тем не доволен, возвращая ее, приложил похвальные сочинителю стихи» [Кантемир 1956: 62]. Стихи, написанные по горячим следам, – лучшее свидетельство «актуальности» сатиры, «своекорыстного чтения» эпохой.

Стихи, как и сатира, пророческие. Вспомним их:

I

Не знаю, кто ты, пророче рогатый;
Знаю, коликой достоин ты славы;
Да почто ж было имя укрывати?
Знать, тебе страшны сильных глупцов нравы.
Плюнь на их грозы, ты блажен трикраты.
Благо, что дал бог ум тебе, столь здравый.
Пусть весь мир будет на тебя гневливый,
Ты и без счастья довольно счастливый.

II

Объемлет тебя Аполлин великий,
Любит всяк, кто есть таинств его зритель;
О тебе поют парнасские лики,
Всем честным сладка твоя добродетель
И будет сладка в будущие веки;
А я и ныне сущий твой любитель;
Но сие за верх твоей славы буди,
Что тебе злые ненавидят люди.

III

А ты как начал течи путь преславный,
Коим книжные текли исполины,
И пером смелым мещи порок явный
На нелюбящих ученой дружины,
И разрушай всяк обычай злонравный,
Желая в людях доброй перемены.
Кой плод учений не един искусит,
А дураков злость язык свой прикусит.

[Кантемир 1956: 443]

Сатиры – жанр антитетический. Антитетично и послание Феофана к сатирику. Феофан поднимает эмоциональную планку: главная его антитеза – «любовь / ненависть».

Кто любит молодого автора, обладающего «столь здравым» умом? «Аполлин великий» и все причастные парнасским таинствам, сам Феофан, «все честные».

Кто ненавидит? «Сильные глупцы», «злые люди», «дураки».

Первые выше, дальше, виртуальнее. Вторые ближе, и их количественно больше. Последняя строчка читается скорее как пожелание, как заклинание. Вся драматургия отношений молодого автора с читателем здесь как на ладони. Вся по-

следующая топика высказываний о Кантемире задана в этих Феофановых стихах, как и оппозиция его «здорового ума», «добродетели» «грозам» глупцов. Парадоксальная формула «ты и без счастья довольно счастливый», построенная на паремонном повторе, перекликается с финальными строками первой сатиры:

Прекрасно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится...

Кантемир умел быть благодарным:

Обязан еси ты мя усты и рукою
Дал хвалу мне паче мер, заступил немало...

[Кантемир 1956: 62] –

так ответит он Феофану в Благодарительных стихах.

А в третьей сатире «О различии страстей человеческих», имеющей второе название «К архиепископу Новгородскому», даст очень хвалебный портрет Феофана:

Мудрый первосвященник, ему же Минерва
Откры вся сокровенна и все, что исперва
В твари бысть и днесь яже мир весь исполняют
Показа, изьяснив ти, отчего бывают,
Феофан, ему же все известно, что знати
Может человек и ум человек понятия...

[Кантемир 1956: 378]

Феофан, который сатиры «с похвалами разсеял», пеняет автору: «Да почто ж было имя укрывати?». Это укрывание имени еще аукнется.

К Кантемиру часто применяли определение «первый». Первый он и в области самиздата. Сатиры оставались неизданными еще 18 лет – до 1762 г. Неизданными – но всем известными: «Стихотворных его сочинений много, и лучшими почитаются сатиры... да и поныне еще все они писменные только обносятся», – писал в 1755 г. (через 11 лет после смерти Кантемира) В.К. Третьяковский [Третьяковский 1963: 438]. Белинский – о том же: «...сатиры Кантемира скоро пошли разгуливать в стихах по всей России, между грамотным народом» [Белинский 1955, 8: 632]. Голос самого Кантемира зазвучал слишком поздно и, после того как сатиры «писменно обносились много лет» и каждый писатель активно использовал их богатство, показался, разумеется, вторичным.

«Кантемир стоит почти совершенно отдельно в русской литературе... Очень немногие из них были в то время напечатаны или, по крайней мере, ходили по рукам в списках, большая же часть оставалась совершенно неизвестной. Хотя Кантемир сделал много для создания русского языка и разработал впервые много вопросов и типов, вошедших потом в русскую литературу, но позднейшие писатели принуждены были начинать все сначала и повторить самостоятельно эти труды...» – подытожит в 1891 г. В. Брюсов [Брюсов 2005: 10].

Первый отклик – самый точный. Самый пророческий.

С Феофановыми стихами неожиданно в унисон зазвучит концовка литературоведческой статьи, написанной в середине XX века. Об этом речь впереди.

ВЕК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

«КАНТЕМИР ПИСАЛ БЫ СТИХИ И НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ»

В 1817 г. К.Н. Батюшков написал очерк «Вечер у Кантемира».

По мнению Б.М. Эйхенбаума, «легенда о “вечных спутниках” не оправдывается историей» [Эйхенбаум 2001: 88]. Однако поэт Кантемир принадлежит к числу именно таких «вечных спутников» поэта Батюшкова, чему свидетельством непрерывный диалог их текстов.

В «Вечере у Кантемира» Батюшков нашел синоним для «тихого угла» нашел и ввел новый образ в устойчивую Кантемирову топику – «необитаемый остров»: «Ум его имел свойства, редко соединяемые: основательность, точность и воображение. Часто, углубленный в исчисления алгебраические, Кантемир искал истины и – подобно мудрецу Сиракуз – забывал мир, людей и общество, беспрестанно изменяющееся. Он занимался науками. Не для того, чтобы щеголять знаниями в суетном кругу ученых женщин или академиков: нет! он любил науки для наук, поэзию для поэзии, – редкое качество, истинный признак великого ума и прекрасной, сильной души! В Париже, где самолюбие знатного человека может собирать беспрестанно похвалы и приветствия за малейший успех в словесности, где несколько небрежных стихов, иностранцем написанных, дают право гражданства в республике словесности, Кантемир... писал русские стихи! И в какое время? Когда язык наш едва становился способным выражать мысли просвещенного человека. Бросьте на остров необитаемый математика и стихотворца, говорил Д'Аламбер: первый будет проводить линии и составлять углы, не заботясь, что никто не воспользуется его наблюдениями; второй и перестанет сочинять стихи, ибо некому хвалить их: следственно, поэзия и поэт, заключает рассудительный философ, питаются суетностию. Париж был сей необитаемый остров для Кантемира. Кто понимал его? Кто восхищался его русскими стихами? – В самой России, где общество, науки и словесность были еще в пеленах, он, нет сомнения, находил мало ценителей своего таланта. Душою и умом выше времени обстоятельств, он писал стихи, он поправлял их беспрестанно, желая достигнуть возможного совершенства, и, казалось, завещал благородному потомству и книгу, и славу свою. Талант питается хвалою, но истинный, великий талант и без нее не умирает» [Батюшков 1955: 359].

После того как «Вечер у Кантемира» был зачитан на заседании «Арзамаса», в арзамасском протоколе появилась такая запись: «Светлана вместе с прочими гражданами любовалась искусным фиглярством отсутствующего члена Ахилла: фиглярством, говорю я, ибо Ахилл, как тосканский фигляр, показал нам в своем волшебном фонаре тени покойных арзамасцев, французского Монтескье и греко-русского Кантемира. Они между собою говорят, как живые достойные члены “Арзамаса” (большей похвалы нет в лексиконе ученых обществ), было решено считать Кантемира живым членом общества...» [Арзамас... 1933: 206]. Однако прозвища ему не дали. А без имени – какая память? «И на что ж было имя укрывать...»

Лучшая оценка любого текста – оценка противника. Н.А. Полевой, оставивший немало негативных слов о Кантемире, не мог не признать силу воздействия батюшковского текста: «Странным образом восстановилась его известность в первом десятилетии нашего века. В.А. Жуковский вздумал расхваливать Кантемира в Вестнике Европы 1810 года. Статья, названная Критическим разговором, состояла только из выписок, с прибавкою похвал. И вот Кантемир, по голосу В.А. Жуковского, причислен к лику русских поэтов. Принимались его читать – не могли, – и приписали вину себе, а не Кантемиру. Еще более убедились в том, когда Батюшков написал прелестную, умную пьеску: Вечер у Кантемира...» [Полевой 1837: 22].

А.В. Западов, написавший биографический роман о Кантемире, признавал, что «рассказ Батюшкова светил <ему> подобно огню в конце туннеля» [Западов 1988].

Батюшков этим очерком очень дорожил: «При сем посылаю тебе Кантемира, – писал он Н.И. Гнедичу 7 ноября 1826 г. – Прими его в объятия твои, еще сырого, из-под пера моего». Батюшков был как раз из тех, кто привык «Кантемиром разговаривать»: «Не надобно беспрестанно слоняться из одной литературы в другую или заниматься одною древностию. И те, и другие шалеют, как говорит мой чистосердечный Кантемир о сытом и моте. Есть середина...» (Из записной книжки, 1817 г.) [Батюшков 1955: 398]. Притяжательное местоимение «мой» очень показательно. Кантемир для Батюшкова – свой, постоянно присутствующий. Даже когда безумие отправило Батюшкова в «тихий угол» (или на «необитаемый остров»), Кантемир оставался с ним.

Доволен я мечтами,

В покойном уголке тихонько притаюсь...

[Батюшков 1964: 70]

ВЕК ДВАДЦАТЫЙ. «ЗАМОГИЛЬНЫЙ ГОЛОС КАНТЕМИРА» – И «СИЛА ПОСМЕРТНОЙ НЕНАВИСТИ К ЕГО ТРУДУ»

В этом разделе мы дадим слово Л.В. Пумпянскому, автору лучшей (на наш субъективный взгляд) статьи о Кантемире, написанной очень эмоционально, взволнованно, с применением оборотов, более свойственных художественной речи. Кантемир у Пумпянского – человек трагической судьбы, которому постоянно вредит «злой рок». Сослагательное наклонение – главный грамматический персонаж этой статьи.

«Будь сатиры напечатаны...»: «Хотя сатиры Кантемира ходили в рукописи (особенно первая), трудно переоценить отрицательные последствия того, что они не были своевременно напечатаны, когда в 1743 г. автор представил Елизавете полный их список. Не помогло и предохранительное посвящение царице. Конечно, Ломоносов, Поповский, Тредиаковский, Сумароков и все литературное поколение 1740-х годов знало эти сатиры по обращавшимся полуполюгальным спискам, но отсутствие печатного издания, естественно, в глазах публики сливавшееся с 12-летним пребыванием автора за границей, отстраняло его наследие от живой литературной борьбы 1740–1750-х годов. Будь сатиры напечатаны в 1743 г., их появление совпало бы с началом серии лучших од Ломоносова и ошутительно представило бы типичный для всей эпохи классицизма распад поэзии на два основных крыла, одический и сатирический с накоплением в сатире элементов реалистического стиля. Кроме того, своевременное издание ввело бы в литературу богатство мыслей, наблюдений, боевой темперамент, политическую страстность, все те черты, которые так выгодно отличают сатиру Кантемира. Ведь даже запоздалое издание 1762 г. оказало известное влияние на молодое литературное поколение, например на Державина и Новикова. Подъем сатирической литературы в 1760–1770-е годы был как бы оправдан и освящен замогильным голосом Кантемира...» [Пумпянский 1941: 207].

«Европейское почетное имя»: «Картина была бы неполной, если забыть, что известное место Кантемир занял и в западной литературе. Он был первым русским писателем, который завоевал если не европейскую славу, то европейское почетное имя. Для Вольтера, для Дидро, для поколения энциклопедистов Кантемир – хорошо известное литературное лицо и как бы представитель в Париже молодой русской культуры. ...задолго до смерти Кантемир помогал своему другу аббату Гуаско в предпринятом им переводе сатир Кантемира на французский язык. В 1749 г. перевод этот вышел в Лондоне и, очевидно, имел значительный успех, если издание было повторено в 1750 г. В лондонском издании сатиры были доступны европейскому образованному миру – за 12 лет до печатного издания их в России! Гуаско написал для этого издания большую биографию Кантемира, которая доныне остается главным источником наших сведений о нем: все новые материалы, вошедшие с тех пор в научный оборот, подтвердили достоверность и авторитетность рабо-

ты Гуаско. В 1752 г. в Берлине вышел немецкий перевод сатир, сделанный с лондонского французского текста. Все эти заграничные издания, конечно, были известны и в России, но известны только профессионалам-литераторам, а когда вышло, наконец, первое русское издание (1762), время для живой, серьезной оценки Кантемира уже прошло, а для оценки исторической время еще не наступило» [Пумпянский 1941: 208].

Вот так. В Европе известен. А в России – всегда не время.

Переводы Анакреона – и «злой рок»: «...Мы назвали бы Кантемира начинателем этого литературного движения (Ломоносов только в 1747 г. переводил Анакреона для «Риторики»), если бы не злой рок, так безжалостно искаживший судьбы всего его литературного наследия; вполне подготовленный к печати перевод (1736), присланный автором из Лондона (даже с указаниями для наборщика), остался все же не напечатанным: до Ефремовского издания 1868 г. Анакреон Кантемира был неизвестен. Но если бы он ни на кого в свое время не мог повлиять, то перевод этот – все же не случайное явление, а первое звено в важнейшем процессе серьезного, а не школьно-пиитического усвоения новой русской литературой поэтического наследия древних...» [Пумпянский 1941: 209].

Перевод Фонтенеля «был бы ударом»: «В русских условиях 1729–1731 гг. перевод Кантемира был бы ударом по староцерковной партии епископа Дашкова; говорим “был бы”, потому что издание его тогда не состоялось. В 1730 г. рукопись была сдана в Академию Наук, но всевластный Шумахер потребовал одобрения двойной цензуры, духовной и светской. Дело затянулось... и только в 1740 г. книга вышла в свет в типографии Академии Наук, с невинным на первый взгляд, но остроумным и ядовитым указанием на то, что перевод был сделан еще “в Москве в 1730 г.”: это был безмолвно-красноречивый намек на особые условия, в которые был поставлен переводчик. Своим переводом Кантемир положил начало русской научно-популярной литературе. Книга проникла в очень широкие круги... В 1756 г., т. е. через 12 лет после смерти Кантемира и через 16 лет после издания его перевода, Синоду удалось добиться указа об отобрании “находящейся ныне во многих руках” книги и присылке экземпляров в Синод. Изъятые экземпляры были уничтожены. Заслуга Кантемира достаточно измеряется силой этой посмертной ненависти к его труду» [Пумпянский 1941: 212].

«Посмертная ненависть к труду» разве не перекликается со строчками стихов Феофана?

Но сие за верх твоей славы буди,
Что тебе злые ненавидят люди.

Вот такая трагическая судьба – все время препятствует творениям Кантемира попасть в широкие круги», выйти из «тихого угла».

ВЕК ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ. «СДАЛСЯ ЕЙ, ПРАВО, ТЕПЕРЬ КАНТЕМИР!»

Мы думали назвать свою статью «Три текста о Кантемире», поскольку Феофан, Батюшков и Пумпянский, на наш взгляд, нашли самые лучшие слова для описания, как теперь говорят, «случая Кантемира».

Но судьба сделала нам подарок: в Сети мы обнаружили текст в жанре модного нынче фанфика, где сошлись все упоминаемые выше мотивы. Приведем текст полностью – он говорит за себя сам:

Анна любила читать Кантемира.
Пафосный, мерный, торжественный слог,
Консервативная муза и лира
Анну всегда приводили в восторг.
Эти стихи потрясали натуру
Анны, романтика с буквы большой,
И на балах вальса модного туру

Предпочитался поэт. «Хорошо, –
Как-то промолвила маменька Анны, –
Девке не дело за книжкой стареть.
Полно, Анюта! Пора уж, не рано;
Девой и старой тебе умереть?»
Анна совсем возразить не успела –
Всё! Предложенье и свадебный пир!
Свадьба Анюты плясала и пела.
Что же? Отложен пока Кантемир.
Муж был немолод. Как с Анной остались,
Хитро прищурившись, он ей сказал:
«Книжки чтоб в доме моем не читались!
Много я злого от них повидал!»
К Анне приблизился...
...Утро настало. Хлопают двери, и в доме – народ.
В залу служанку убраться послали;
В залу служанка убраться идет.
Что тут такое? Служанка в камине
Книжку нашла (обгорела до дыр)...
Новая жизнь у Анюты отныне.
Сдался, ей, право, теперь Кантемир!

[Фанфики]

Книга Кантемира удостоена сожжения. Это ли не кульминация развития темы любви и посмертной ненависти.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Как видим, все четыре текста развивают и подтверждают финал первой сатиры:

Бесстрашно того житье, хоть и тяжко мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится,
Коли что дала ти знать мудрость всеблагая,
Весели тайно себя, в себе рассуждая
Пользу наук; не ищи, изъясняя тую,
Вместо похвал, что ты ждешь, достать хулу злую.

[Кантемир 1956: 62]

И более того. Каждый пишущий о Кантемире автоматически оказывается в том же «тихом углу», становится невидимкой. В анкете «13 вопросов в честь забытого юбиляра», которую автор статьи предложил в соцсетях в связи с тройным юбилеем Кантемира, был и такой вопрос: «Что вы читали о Кантемире? Кто, на ваш взгляд, лучше всех написал о нем?». Так вот, среди прочитанного Феофан и Батюшков не были названы ни разу; три раза назван Белинский и один раз Ю.К. Щеглов. Как тут не вспомнить очень меткое и очень горькое замечание М.Ю. Осокина о монографии Щеглова: «Этот путеводитель по сатирам Кантемира – одна из лучших за последние годы книг в мировой филологии вообще, и стала бы интеллектуальным бестселлером, если бы его героем не был Кантемир» [Осокин 2008].

Хотя, если на этом «необитаемом острове» с Кантемиром обитают Феофан, Батюшков, Пумпянский, Щеглов, оказаться там – это ли не повод для «тайного веселья»?

Нас мало избранных, счастливых праздных, –
кому выпала честь «молчаливо таиться» «в тихом углу» Антиоха Кантемира.

ЛИТЕРАТУРА

- Арзамас и Арзамасские протоколы. Л.: Изд-во писателей, 1933. 330 с.
- Батюшков К.Н.* Соч. М.: Гослитиздат, 1955. 452 с.
- Батюшков К.Н.* Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1977. 608 с.
- Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
- Западов А.* Подвиг Антиоха Кантемира. М.: Советский писатель, 1988. 304 с. (www.rulit.me/books/podvig-antioha-kantemira-download-free-337032.htm).
- Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений / Вступит. ст. Ф.Я. Приймы; подгот. текста и примеч. З.И. Гершковича. Л.: Сов. писатель, 1956. 540 с. (Б-ка поэта. Большая серия)
- Карамзин Н.М.* Пантеон российских авторов // Карамзин Н.М. Избр.соч.: В 2 т. Т. 2. Критика. М.; Л.: Художественная литература, 1964. С. 156–172.
- Книга фанфиков. Электронный ресурс: ficbook.net/readfic/2687405/7160604
- Кулагина О.Л.* Сатиры А.Д. Кантемира: поэтика, контексты, интертексты: Автореферат ... докт. филол. наук. М., 2018. 48 с.
- Полевой Н.А.* Русские классики. Сочинения князя Антиоха Кантемира // Библиотека для чтения. 1837. Т. XXIV. № 9. С. 1–24.
- Прокопович Феофан (Прокопович).* Соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 501 с.
- Пумпянский Л.В.* Кантемир // История рус. литературы: В 10 т. Т. 3: Литература XVIII века. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 176–212.
- Пушкин А.С.* О ничтожестве литературы русской. Планы // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М.: Гослитиздат, 1962. С. 435–436.
- Сумароков А.П.* Избр. произведения. 2-е изд. Л.: Сов. писатель, 1957. 607 с.
- Эйхенбаум Б.М.* Мой современник. Маршрут в бессмертие. М.: Аграф, 2001. 384 с.

REFERENCES

- Arzamas and Arzamas' Protocols. Leningrad. Izdatelstvo Pisateley Publ. 1933. 330 p.
- Batyushkov K.N. (1955) Works. Moscow. Goslitizdat Publ. 452 p.
- Batyushkov K.N. (1977) Experiences in Verses and Prose. Moscow. Nauka Publ. 608 p.
- Belinsky V.G. The Complete Works: In 13 vols. Moscow. USSR Academy of Sciences Press. 1953–1959.
- Zapadov A. (1988) Feat of Antioch Cantemir. Moscow. Sovetsky Pisatel Publ. 304 p.
- Cantemir A.D. (1956) The Collected Verses / Introduct. article by F.Ya. Priyma; prep. of texts and comment. by Z.I. Gershkovich. Leningrad. Sovetsky Pisatel Publ. 540 p.
- Karamzin N.M. Pantheon of Russian Authors. In: Karamzin N.M. The Selected Works: In 2 vols. Vol. 2. Critique. Moscow; Leningrad. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1964, pp. 156–172.
- KnigaFanfikov (AFanfics' Book). Electronic Resource: ficbook.net/readfic/2687405/7160604
- Kulagina O.L. (2018) A.D. Cantemir's Satires: Poetics, Contexts, Intertexts: Abstract of the Thesis (Doctor of Philology). Moscow. 48 p.
- Polevoy N.A. Russian Classics. The Works of Prince Antioch Cantemir. *Biblioteka dlya Chteniya*. 1837. Vol. XXIV. No 9, pp. 1–24.
- Prokopovich Feofan (Prokopovich). (1961) Works. Moscow; Leningrad. USSR Academy of Sciences Press. 501 p.

Pumpyansky L.V. Cantemir. In: The History of Russian Literature: In 10 vols. Vol. 3: The 18th Century Literature. Part 1. Moscow; Leningrad. USSR Academy of Sciences Press. 1941, pp. 176–212.

Pushkin A.S. On the Littleness of Russian Literature. The Plans. In: Pushkin A.S. The Collected Works: In 10 vols. Vol. 6. Moscow. Goslitizdat Publ. 1962, pp. 435–436.

Sumarokov A.P. (1957) The Selected Works. 2nd ed. Leningrad. Sovetsky Pisatel Publ. 607 p.

Eichenbaum B.M. (2001) *My Vremennik*. The *Marshrut* to Immortality. Moscow. Agraf Publ. 384 p.

Сведения об авторе:

Ольга Львовна Довгий,
доктор филол. наук
ст. научный сотрудник
факультет журналистики
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga L. Dovgy,
Doctor of Philology
Senior Researcher
Faculty of Journalism
Lomonosov Moscow State University
olga-dovgy@yandex.ru